

Журнал "Русский репортер" написал, как в Иркутске борются с деревянными памятниками архитектуры

Деревянные дома Иркутска скоро будут сожжены или сгниют. Горожанам хочется жить в благоустроенных квартирах, а властям — сбыть землю в центре города подороже. Но если старый Иркутск исчезнет, то городу придется дорого заплатить за другую, выдуманную историю. Потому что города без истории не бывает

От барокко до барака

Иркутск — лидер по городским пожарам в Сибири. Строители спорят с жителями о причинах бедствия в районах деревянной застройки. Первые ссылаются на старую электропроводку и аварийное состояние деревянных домов, вторые — на высокую стоимость земли в центре. Наверняка есть и то, и другое. В некоторых районах жильцы объединяются и ходят в ночные дозоры, чтобы защитить свои дома от поджигателей. Потому что сгоревший дом городские власти восстанавливать не будут, а земля большинству жильцов не принадлежит. В Иркутске приватизировать участки, конечно, не запрещено, но в реальности очень сложно. Мне рассказывали о семье, которая занимается этим уже три года, постоянно платя поборы, но результата пока нет.

«Владеть землей имеем право, а паразиты — никогда» — бросается в глаза текст «Интернационала» на монументальной мозаике возле Центрального рынка на улице Дзержинского. На панно — головы рабочих и крестьян с открытыми ртами. Поют, видимо. Неподалеку большой красивый желтый дом. Женщина с трудом заносит на крыльцо ведро с водой. Она пускает нас к себе и рассказывает свою историю. Дом этот был построен в 1870 году и принадлежал купцу: внизу была мелочная лавка, наверху — жилые комнаты. После революции его перегородили на восемь «квартир» и отдали кукольному театру. Когда в конце 50-х в Иркутске готовились к приезду Эйзенхауэра (который так и не приехал), забор и хозяйственные постройки снесли, а дом покрасили. Живет в нем Вера Павловна Яковлева. Ее дальнюю родственницу — польку еще девочкой привезли из Лодзи в Подмоскovie, а после революции вся семья двинулась на восток и в конце концов осела в Иркутске: отец был коммивояжером и торговал швейными машинками «Зингер», а сама полька работала в библиотеке Иркутского государственного университета и умерла в 96 лет. Вера Павловна по местным меркам не из бедных. Ее сын живет в Москве, а к пенсии она получает северную надбавку, так как всю жизнь проработала на лесопромышленном предприятии в Мамско-Чуйском районе, на севере Иркутской области. Она достает фотографии начала века с надписями по-польски и по-немецки и раскладывает их на столе. Стол с резными ножками приехал из Польши. На нем — советской расцветки клеенка.

Вере Павловне деревянный дом нравится: каждое бревно обернуто вощеной бумагой, да и место хорошее — самый центр. Только жить в нем трудно: носить воду, топить печь. К тому же она боится пожаров. «Если так будет продолжаться, Иркутск останется без деревянных домов. Будет жалко. Надо оградить нас от бизнесменов: перестать продавать им землю из-под горелых домов и каждый раз после пожара дом восстанавливать. Тогда и пожары прекратятся».

Сибирское барокко

Когда слова «дауншифтинг» еще не было, а сам он уже был, моя подруга-москвичка уехала жить в Иркутск. Оттуда она привозила истории о том, какой странный народ москвичи и какой прекрасный — иркутяне. Рассказывала, как естественна помощь ближнему, когда вопрос о выживании оказывается главным, какой длинной может быть зима и как после нее прекрасно лето. Воображение рисовало картины суровой Сибири, и страшно хотелось в Иркутск — увидеть наконец жизнь настоящую, не испорченную излишествами и суетой. Потом подруга вернулась в Москву и пропала в столичных делах, зато в интернете появились спутниковые карты Земли.

Когда виртуальная Земля поворачивается к тебе иркутским боком, на том самом месте, где должен быть

город, рисуется вдруг сетка частных участков с домишками и огородами. Прямо в центре, рядом с площадью Кирова, с мемориалом Великой Отечественной, со зданием городской администрации, с улицей Ленина и с окружной автомобильной дорогой. Только попав в Иркутск, я поверила, что спутник не ошибался: это город, большая часть которого застроена одноэтажными деревянными домами с печками, колонками для воды, дворами и огородами. На каждой улице — десятки бревенчатых домов, на каждом доме — десятки метров резьбы с уникальным рисунком. В лучшие времена дома были полностью покрыты резьбой, как кружевной салфеткой.

Справочник по Иркутску рассказывает об особенностях местного деревянного зодчества: это, пишут, историческое лицо сибирских городов и музейная ценность. Но с музейными ценностями всегда проблема: жизнь, в отличие от домов, на месте не стоит. Как жить в музее, если в нем нет газа, канализации и водопровода? Да и может ли стать музеем весь город?

Для того чтобы сохранить среду, достаточно исторического центра — нескольких деревянных кварталов, отремонтированных и благоустроенных. Но, чтобы он появился, нужны планы городского развития. Тогда возникают туристические, тусовочные, торговые места с кафе и ресторанами, с элитным жильем.

Где взять удобства

Мы часто находимся в плену ложных представлений о прогрессе, навешанных советским городским строительством, и считаем маленькую квартирку в бетонном доме современной, а деревянный купеческий дом — устаревшим и непрактичным. Но мы забываем, что даже новые типовые бетонки, больше похожие на огромные бараки, совсем скоро надо будет сносить. В лучшем случае через 30–40 лет.

Конечно, деревянные дома придется модернизировать. Или вообще ставить на месте старых новые — «в стиле», но со всеми удобствами. Сейчас отдельные обеспеченные хозяева уже делают ремонт, пока, правда, кустарный и на варварский манер. Полы заливают бетоном, а вместо оконных рам с наличниками вставляют снежно-белые пластиковые стеклопакеты. Такими стеклопакетами покрылась заметная часть деревянного Иркутска, и улицы стали похожими на челюсти с чересчур белыми искусственными зубами. Впрочем, на ремонт хватает далеко не всем, поэтому большая часть домов продолжает разваливаться естественным путем.

О сохранении исторического облика в городе мало кто думает: администрацию больше волнуют вопросы модернизации и быстрого экономического развития, жильцы озабочены практическим ремонтом. Остаются только частные предприниматели. Одна такая предпринимательница в городе есть — Нина Чекотова. Она выкупает старые каменные дома и реставрирует их, несмотря на колоссальные траты — значительно большие, чем ушли бы на строительство здания с нуля. «История меня окрыляет!» — говорит она. Но частным предпринимателям по зубам только каменные дома. Деревянные, конечно, реставрировать легче и дешевле, но они требуют гораздо больше дорогой земли в пересчете на полезную площадь.

Сами жители могли бы заинтересоваться сохранением внешнего вида дома, если бы, например, администрация сначала поучаствовала в реставрации, а потом приводила бы иностранцев поглядеть на плоды трудов. Кстати, иностранцы, приезжающие в город, восхищаются им и тут же бросаются фотографировать аборигенов на фоне деревянных построек.

Да что там иностранцы, Москва тоже с удовольствием приедет посмотреть. У москвичей классическая тоска по древностям, они бегут на восток в поисках природы и «корней», а тут — полгорода деревянных домов. Но, кажется, решиться на снос домов гораздо проще, чем осознать их материальную ценность. Москвичам и иностранцам легко говорить, мол, у вас тут потрясающее историческое лицо и волютная резьба, вы уж берегите их, а мы будем приезжать и наслаждаться. Но иркутяне думают о горячей воде, отоплении и теплых полах.

Почему горим

До тех пор пока проживание в деревянном столетнем купеческом доме не представляет для иркутян самостоятельную ценность, стоимость дома определяется ценой земли под ним. За участок в центре города покупателю придется выложить 5–6 млн рублей. А полезной площади в доме в несколько раз меньше, чем в постсоветской бетонке. Отсюда — рыночный механизм пожаров.

— Давно живете в этом доме? — спрашиваю у молодого человека, только что вышедшего из ворот деревянной избушки со свежевыкрашенными наличниками на улице Коммунаров. Эта улица сохранилась после пожара 1879 года, про нее как раз и говорят «историческая застройка».

— Я сюда приезжаю только мигалку забрать, — отвечает молодой человек и показывает на машину такси, припаркованную у ворот. — В этом доме контора, мне тут по утрам мигалку выдают, а вечером я ее обратно сдаю.

Как потом выяснилось, все приличные дома на «исторической» улице заняты конторами. А те, в которых по-прежнему живут люди, постепенно разрушаются, деревянное барокко гниет и отваливается кусками. Деревянные дома — это «неблагоустроенное жилье». Оно самое дешевое, только его и могут себе позволить самые бедные — одинокие пенсионеры и иммигранты из южных республик (здесь их довольно много, они торгуют на китайских рынках — «шанхайках» по-местному).

Рядом, на паперти Крестовоздвиженской церкви просит милостыню бабушка. Она тоже живет в «неблагоустроенном» доме, и ее улица предназначена под снос — там скоро будет проходить большая дорога. Переезжать в теплую квартиру с водой и канализацией она не хочет, потому что не готова платить за коммунальные услуги. Хочет ли кто из соседей? «Никто не хочет! Я таких не знаю, на нашей улице одни пенсионеры остались». Бабушке пенсии не хватает: она отдает банку кредит, взятый три года назад на похороны. Расплачивается с пенсии, а сама живет на милостыню.

Бабушкин дом вряд ли станет «элитным»: ей все равно где жить, лишь бы подешевле.

В самом центре, на набережной, в разгар рабочего дня тусуется компания рыбаков. Они жарят сосиски на костре и наблюдают за своим товарищем, который деловито крутит ручку спиннинга. На поверхности воды появляется недовольная рыба хариус, а в руках у мужиков — рюмки водки. Разговаривать с москвичами им неохота. Вот недавно журналисты из Франции приезжали их фотографировать, так те деньги платили. Но один все-таки сжалился, согласился рассказать про жизнь и даже предложил себя в качестве гида по деревянному Иркутску. У него есть старая «вольво», работает он охранником, звать Денисом. Десять лет назад Денис женился и переехал из деревни в город. Теперь он с семьей живет в деревянном доме в районе, который тоже идет под снос в связи со строительством нового моста. Но, в отличие от бабушки на паперти, он давно хочет переехать в благоустроенную квартиру. «А кто не хочет?» — удивляется Денис вопросу. Никаких сантиментов по поводу уничтожения деревянной застройки он не испытывает, ограничиваясь соображениями практичности и комфорта. На мои восторги насчет богатой резьбы и сожаления по поводу ее разрушения реагирует по-хозяйски: «Чтобы сделать ремонт, деньги нужны». И тут же добавляет: «Правда, вот соседи наши ремонт сделали, а дом их сожгли — с застройщиками не смогли договориться».

Что такое город

Отношение жильцов к своим домам прямо зависит от их происхождения, биографии и достатка. Бабушка с паперти никуда переезжать не хочет, денег на комфорт у нее нет. Охранник Денис рад бы переехать в благоустроенную квартиру: деревянный дом ему в тягость. Вера Павловна согласна жить в деревянном доме, если ей проведут газ и воду.

Можно найти и идейного жильца деревянного дома, который ни в каком другом жить не согласится. Вот, например, главный редактор иркутской «Областной газеты» Татьяна Габидулина. Ее семья живет в доме, построенном в начале XX века. Дом принадлежал богатому управляющему большого магазина, а сегодня является памятником федерального значения. Место, на котором он расположен, по генплану значится как «район перспективной застройки». В 1970-е годы там собирались построить большую лестницу к Ангаре и разбить парк. Недавно администрация города сказала, что за свой счет глобального строительства производить не будет, но договоры аренды на всякий случай подписывает только на 5 лет — вдруг планы поменяются.

В первый раз о том, что дом будут сносить, сообщили еще бабушке Татьяне, когда той было 17 лет. Рекомендовали морковку у дома не сажать, потому что вот-вот переселят. Спустя лет сорок бабушка все-таки решилась на огород. А дом до сих пор стоит как стоял. Правда, активность строителей в последние годы явно повысилась. «Уже начали приходить из агентства недвижимости, — говорит Татьяна, — значит, надо собираться с соседями, чтобы разработать тактику и держать ситуацию под контролем».

«У нас есть унитаз и ванна, мы провели воду, переделали отопление на электрическое, перестроили часть дома, но все это незаконно. Адвокаты нам сказали, что проще сначала перестроить, а потом задним числом оформить разрешение. Иначе ждать придется десятилетиями». Татьяне нравится жить в деревянном доме, потому что он стоит отдельно: «Если у меня есть ванна и теплые полы, этого достаточно, зачем мне соседи сверху и снизу?» И потому что жизнь в нем экологична: «В нем по-другому дышится, а когда мы ночуем у

родственников в квартире, нам дышать трудно».

Но сколь бы прекрасным ни казался собственный деревянный дом нам, москвичам, а также иностранцам и редким местным ревнителям традиционной архитектуры, большинство людей считают городскую квартиру гораздо более престижным жильем. Для того чтобы оценить преимущества дерева, надо пожить в бетоне и стекле. А потом, спустя поколения обнаружить, что городская среда разрушена и что хочется вернуться, да некуда. Лет через 20–30 постсоветское жилье станет ветхим, люди будут жить в тесных клетушках и смотреть друг на друга с опаской.

Сейчас в отдельных деревянных кварталах организуются сообщества жильцов, чтобы коллективно приватизировать землю и выбивать разрешения на ремонт. Они заинтересованы не только в сохранении своего жилья, но и в красоте городской среды. Они хотят жить в самом центре в деревянных домах. Но успеет ли это движение набрать критическую массу, чтобы развернуть общественное мнение, а потом и муниципальную политику?

Как и у большинства городов, у Иркутска нет нормального генплана — оставшийся с советских времен уже неактуален. Может быть, иркутянам показалось бы правильным все снести и построить новый современный город из стекла и бетона, ориентированный только на природные достопримечательности — Байкал и Ангару. Может быть, они захотели бы иметь два центра — исторический и административно-деловой. Но любой сознательный план лучше, чем стихийное разрушение. Он дает возможность думать не только о личном выживании, но и о том, как строить свою среду. Конечно, когда нечего есть и нечем платить за газ, людям не до городской истории и культуры. Но начинается-то разруха, как известно, в головах.

Автор: Наталья Конрадова © Тайга.info ИРКУТСК, ИРКУТСК 👁 3692 27.01.2008, 18:43 📄 230

URL: <https://babr24.com/?ADE=42859> Bytes: 14473 / 14438 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Наталья
Конрадова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)